

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Королев А.А. "Новое мышление" и кельтология // Язык и культура кельтов. М., 1988. С. 12.
2. Jackson K. Language and history in Early Britain. Edinburgh, 1953.
3. Калыгин В.П., Королев А.А. Введение в кельтскую филологию. М., 1989.
4. Williams I. The beginnings of Welsh poetry. Cardiff, 1980. P. 5.
5. Martinet A. Celtic lenition and Western Romance consonants // Language. 1952. V. 28.
6. Thompson E.A. Procopius on Britia and Britannia // Classical quarterly. 1980. V. 30.
7. Nielsen H.F. Old English, Old Frisian and Germanic // Philologia Frisia Anno 1984. Ljouwert, 1986. № 661. P. 173.
8. Stenton F. Anglo-Saxon England. Oxford, 1971.
9. Bremmer R.H.Jr. Old English — Old Frisian: The relationship reviewed // Philologia Frisia Anno 1981. Ljouwert, 1982. № 618. P. 79—81.
10. Маковский М.М. Этнонимика Англии в сравнительно-историческом освещении // Этнонимы. М., 1970.
11. Маковский М.М. Сравнительно-историческая диалектография англо-кельтской лексики: Дис. ... докт. филол. наук. Л., 1969.
12. Pogatscher A. Zur Lautlehre der griechischen, lateinischen und romanischen Lehnwörter im Altenglischen // Quellen und Forschungen zur Sprach- und Kulturgeschichte der germanischen Völker. 1888. Bd 64.
13. Campbell A. Old English grammar. Oxford, 1959. P. 200, 214.
14. Page R.I. Introduction to English runes. L., 1973. P. 26—27.
15. Wimmer L. Die Runenschrift. 2-te Aufl. B., 1887. S. 33, 194—200.

Фалилеев А.И., Сизова И.А.

Кумыхов М.А. Сравнительно-историческая грамматика адыгских (черкесских) языков. М.: Наука, 1989. 384 с.

Многолетняя работа М.А. Кумахова по сравнительно-историческому изучению адыгских языков увенчалась созданием двух обобщающих монографий — Сравнительно-исторической фонетики адыгских (черкесских) языков" (М., 1981) и "Сравнительно-исторической грамматики адыгских (черкесских) языков" (М., 1989). Эти труды представляют собой первый опыт реализации предложенной адыговедом программы внедрения в западнокавказское сравнительно-историческое языкознание принципа относительной хронологии, мыслимой как установление древности языковых явлений не через их вневременное и вневпространственное разграничение на архаизмы и инновации, а путем их отнесения к определенному праязыковому состоянию — общеадыгскому, адыгско-убыхскому, общеабхазскому, западнокавказскому. Такое понимание релятивной хронологии очень важно для сравнительно-исторического освоения западнокавказских языков, которые не имеют давних письменных традиций и поэтому не могут быть исследованы традиционным (филологическим) методом.

В рецензируемой монографии М.А. Кумахова анализируются грамматические особенности общеадыгского языка, их отношение к более ранним историческим перио-

дам, а также вопросы развития грамматики в период после распада общеадыгского языка. Реконструкция состояний общеадыгского языка и более древних его лингвистических предков дается в рамках относительной хронологии.

При разработке сравнительно-исторической морфологии в центре внимания исследователя оказались вопросы структуры общеадыгского корня и грамматической категории классов. Существуют разные теории общеадыгского корня, из которых наибольшее распространение получили а) теория Н.Ф. Яковлева о первичности односложных открытых корней и б) теория Г.В. Рогава о вторичности односложных открытых корней, возникших от более сложных образований типа "классный префикс + корень + детерминативный суффикс".

С точки зрения М.А. Кумахова, эти теории являются статическими, не учитывающими различий между разными хронологическими уровнями.

Касательно строения общеадыгского корня М.А. Кумахов исходит из динамической теории реконструкции, согласно которой корень или основа как единица онтологического уровня подвергается преобразованиям, что исключает существование только

одной модели корня. Исследователь постулирует для общеадыгского уровня не одну модель, а разные модели корня.

Господствующим стало в лингвистическом адыгovedении мнение о пронизанности исторической морфологии адыгских языков грамматической категорией классов и категорией детерминантов. В основе монографии М.А. Кумахова лежит положение об элиминировании этих категорий из общеадыгского состояния и соотнесении их с эпохой, предшествовавшей периоду западнокавказской языковой общности, что во многом определяет приемы реконструкции и исходные позиции компаративиста.

Работа М.А. Кумахова написана на исключительно богатом материале адыгских диалектов и говоров, сохранивших многие элементы общеадыгского языка и более ранних праязыковых состояний, а также демонстрирующих сложившиеся в них после распада общеадыгского состояния материальные и структурные явления. Надежной основой для сравнительно-исторического изучения автором грамматической системы адыгских языков послужили существующие диалектологические публикации.

М.А. Кумахов имеет предшественников в области компаративной разработки адыгской грамматики, к которым относятся: французский лингвист-кавказовед Ж. Дюмезиль, определивший еще в начале 30-х годов отдельные морфологические соотношения между адыгскими и другими западнокавказскими языками; грузинские компаративисты Г.В. Рогава и К.В. Ломтатидзе, внесшие большой вклад в становление и развитие западнокавказского сравнительно-исторического языкознания; Н.Ф. Яковлев и Д.А. Ашхамаф, немало сделавшие в плане диахронического рассмотрения некоторых грамматических явлений.

Заслуга М.А. Кумахова состоит прежде всего в том, что он впервые в западнокавказском языкознании предпринял опыт построения сравнительно-исторической грамматики адыгских языков.

На протяжении почти всей монографии в поле зрения компаративиста находятся структурные признаки (resp. грамматические категории) частей речи: именно они составляют основу грамматического строя языка. Рассмотрение грамматических явлений посредством их разложения по хронологическим полочкам делает анализ материала адекватным, осуществляемые реконструкции надежными, изложение убедительным.

Грамматическая категория определенности/неопределенности относится к числу самых древних структурных признаков слов

именной лексики. С точки зрения М.А. Кумахова, эта категория составляет принадлежность западнокавказского ареала. Образовавшиеся путем распада архетипа праабхазский язык и адыгско-убыхское единство унаследовали префиксальное выражение определенности/неопределенности. На более позднем хронологическом уровне — общеадыгском — сложилась категория определенности/неопределенности, выявляемая чередованием суф. *-р*, *-м* с нулем, а абазинский, абхазский и убыхский языки продолжали префиксально обозначать определенности/неопределенности (чередованием преф. *а-* с нулем).

Таким образом, в отношении способов передачи общей для западнокавказских языков определенности/неопределенности адыгские языки оказались зоной инновации, а абазинский, абхазский и убыхский языки — зоной консервации.

В период после распада западнокавказского единства в адыгско-убыхском ареале возникло именное склонение, которое не затронуло праабхазский язык. Для общеадыгского состояния постулируется наличие четырех падежей — именительного, эргативного, творительного и обстоятельного.

Адыгской инновацией следует считать также специально не рассматриваемое в книге различие систем падежных флексий и, следовательно, типов склонения. В основе разграничения систем индикаторов падежей лежит грамматическая (словоизменительная) категория определенности/неопределенности, вследствие чего в адыгских языках одно и то же слово в различных своих морфологических состояниях подходит под разные деklinационные рубрики. Имена в их морфологическом состоянии, выражающем грамматическое значение определенности, обладают своей системой падежных окончаний (*-р*, *-м*, *-у*, *-м-к/э*) и поэтому образуют отдельный тип склонения, но те же имена в их морфологическом оформлении, передающем грамматическое значение неопределенности, также имеют свою схему падежных флексий (*-ф*, *-ф//*-ы, *-у*, *-к/э*) и образуют другой тип склонения. Здесь адыгские языки обнаруживают типологическое сходство, например, с немецким языком, в котором сильное и слабое склонения качественных имен различаются на базе словоизменительных артиклей (в зависимости от наличия или отсутствия перед прилагательным артикля или от характера

артикля), в силу чего одно и то же слово может примыкать к разным типам склонения.

В монографии особое место занимает глагол, который автор считает обладающим "исключительно сложной структурой и высокой степенью синтеза" (с. 122). Скрупулезному рассмотрению подверглись полисинтетизм глагола и его относительная хронология. В итоге к общеадыгскому ареалу отнесены такие конкретные характеристики глагола, как строение слов этой части речи, их основные словоизменительные и словообразовательные категории, иерархия и аранжировка многочисленных основообразующих элементов, дистрибуция личных аффиксов в разных типах основ и др., а важнейшие материальные выразители словоизменительных и словообразовательных форм приписаны западнокавказскому состоянию. Показания материала позволили исследователю утвердиться во мнении, согласно которому по устойчивости общих для западнокавказских языков структурных иерархических особенностей глагол не имеет аналога среди других частей речи.

Очень важными для грамматической науки об адыгских языках представляются выявленные М.А. Кумаховым типы глагольных основ: 1) простые [адыг., каб. *хьы-(н)* "нести"], 2) производные [адыг., каб. *кIуэ-тэ-(н)* "продвинуться"], 3) свободные [адыг., каб. *бэнэ-(н)* "бороться"], 4) несвободные [адыг. *йы-хьа-(н)*, каб. *йы-хьэ-(н)* "входить"], 5) прерывистые [адыг., каб. *дэ- — пьы-чы-(н)* "выглядывать откуда-либо"], 6) нейтральные (адыг., каб. *джэзу* "игра", *мэ-джэзу* "он играет").

Эти типы глагольных основ существуют во всех современных адыгских диалектах, что свидетельствует об их соотносимости с эпохой общеадыгского языкового единства.

Исследователь указывает на морфологические признаки, которыми общеадыгский динамический глагол в презентной форме отличается от статического глагола — преф. *уэ-* и суф. *-р*, преф. 3 лица *мэ-* (*ма-*), ср.: общеадыг. *сы-уэ-кIуэ-р* "я иду", но *сы-шьысы* "я сижу"; *ма-кIуэ-р* "он идет", но *шьысы* "он сидит". В период индивидуального развития адыгских языков произошли в строении динамических и статических глаголов изменения: общеадыг. преф. динамичности *уэ-* в адыгейском изменился в *э-*, в кабардинском — в *о-*; суф. *-р* в адыгейском исчез, в кабардинском сохранился в качестве варианта. Статический глагол обрел в кабардинском суф. *-шь*. Ср. адыг. *с-э-кIуэ*, каб. *с-о-кIуэ-р* "я иду"; общеадыг. *сы-шьы-*

ты → адыг.

сы-шьыт → каб. *сы-шьыт-шь* "я стою".

В системе образований, традиционно именуемых глагольными, только презентные динамические формы располагают специфическими морфологическими признаками. Что касается динамических глаголов прош. и буд. времен и статических глаголов всех времен, то они по означенным основным показателям не различаются, ср.: адыг. *сы-кIу-а-гъ* "я ходил" (динам. прош. вр.), *сы-кIуэ-н* "я пойду" (динам. буд. вр.), *сы-шьыт-ы-гъ* "я стоял" (стат. прош. вр.), *сы-шьыт* "я стою" (стат. наст. вр.), *сы-шьыт-ы-н* "я постою" (стат. буд. вр.); каб. *сы-кIу-а-шь* "я ходил" (динам. прош. вр.), *сы-кIуэ-н шы* "я пойду" (динам. буд. вр.), *сы-шьыт-а-шь* "я стоял" (стат. прош. вр.), *сы-шьыт-шь* "я стою" (стат. наст. вр.), *сы-шьыт-ы-н-шь* "я постою" (стат. буд. вр.).

Хотя среди форм, подводимых под категорию глагола, особняком стоит "динамическая форма настоящего времени", пока не ставился в широком плане вопрос о переинтерпретации ее формального статуса, грамматической природы.

Сомнению не подлежит тот факт, что в адыгских языках отсутствуют классические наречия "индоевропейского типа", т.е. оценочные функции, заставшие в оценочно-процессных конструкциях в образе неизменяемых слов. В грамматических очерках по адыгским языкам специалисты возводят в ранг наречий формы слов, характеризующиеся сравнительно меньшей морфологической изменямостью и выступающие в предложении преимущественно в функции его приглагольного члена с оценочным значением. О таких наречиях и идет речь в исследовании М.А. Кумахова.

Основные типы наречий современных адыгских языков — семантические, морфологические и словообразовательные — отнесены к эпохе общеадыгского единства. Вместе с тем такие сложные наречия, как *тыгъуэснахьыпэ* "позавчера" (адыг.), *пшэ-деймышьчIэ* "послезавтра" (каб.) и др., признаны сложившимися в период индивидуального развития адыгских языков.

Реконструкция праязыкового морфологического уровня — дело сложное и трудное, но еще сложнее и труднее синтаксическая реконструкция. В области синтаксиса не всегда оказывается возможным объяснять анализируемые и реконструируемые явления состоянием их генетически исходных форм. Приходится иметь дело и с фактами, возникшими в результате контактирования языков или параллельного их развития. Специфическое положение синтаксиса в ком-

паративистике определяется также его особой ролью при ретроспективном объяснении морфологических реалий, являющихся застывшими синтаксическими объектами.

Состояние разработки синтаксиса адыгских языков оставляет желать много лучшего. Стало почти нормой уделять в грамматических штудиях меньше внимания синтаксической проблематике. Особенно не везет исследованиям, посвященным историческому синтаксису адыгских языков.

В книге М.А. Кумахова также отведено более скромное место историческому синтаксису исследуемых языков. В ней автор "не ставит задачи всестороннего сравнительно-исторического анализа синтаксической системы адыгских языков" (с. 299). Эта часть работы ориентирована на исследование "лишь некоторых основных явлений синтаксиса словосочетания и предложения, характерных для общадыгского языка, а также их отношений к более ранним языковым состояниям — адыгско-убыхскому и западнокавказскому" (с. 300), но, несмотря на это, она в какой-то мере подготавливает теоретическую и методическую базу для построения в будущем сравнительно-исторического синтаксиса адыгских языков.

Данные внутренней и внешней (сравнительной) реконструкции позволили М.А. Кумахову постулировать для разных хронологических слоев различные типы словосочетаний, в числе которых атрибутивные словосочетания. К западнокавказскому единству адыговед справедливо относит конструкцию "количественное числительное + существительное". Эта исходная модель унаследована такими западнокавказскими языками, как абазинский (*пшь-сом-кI* "четыре рубля"), абхазский (*бжь-оуыкI* "семь человек") и убыхский (*мIкьIуакьIанIа* "две руки"). Для общадыгского ареала характерны вариативные типы атрибутивных словосочетаний. Например, ареал этот сохранил как реликтовое явление западнокавказскую модель "количественное числительное + существительное" (адыг. *зы чIалэ*, каб. *зы шIалэ* "один юноша") и вместе с тем приобрел новую модель "существительное + количественное числительное" (адыг. *пшьшъэ тIуэкI*, каб. *пшьшъэ тIуэшI* "двадцать девушек").

Что касается прамодели "качественное прилагательное + существительное", то она, как правильно отмечает М.А. Кумахов, преобразовалась в истории западнокавказских языков в модель "существительное + качественное прилагательное".

В рецензируемом исследовании затраги-

ваются отдельные вопросы теории и истории простого и сложного предложения. Из имеющихся в западнокавказских языках синтаксических конструкций предложения наибольший интерес для М.А. Кумахова представляют эргативная и аффективная (инверсивная) конструкции. При этом глагольный тип эргативной конструкции — единственное из коллекции эргативных предложений, характерное для абхазского и абазинского языков, — адыговед не без основания приписывает западнокавказскому ареалу, а возникновение глагольно-именного типа наряду с сохранением западнокавказского глагольного типа в системе эргативных синтаксических построений возводит к адыгско-убыхскому диалектному единству. Автор придерживается мнения об инновационном характере глагольного ядра аффективных предложений, оставляя в то же время открытым вопрос их относительной хронологии.

В монографии подтверждается адекватность в свое время выявленных в адыгских языках подчинительных сочетаний предложений с придаточными частями, вводимыми при помощи союзов *сыда пIуэмэ* (адыг.) // *сыту жьпIэмэ* (каб.) "потому что", *ац кьыхэчIычIэ* (адыг.) // *абы кьыхэчIычIэ* (каб.) "вследствие чего", *арышь* (адыг.) // *арышы* (каб.) "так что" и т.д.

Оценивая книгу М.А. Кумахова в целом положительно, можно было бы указать и на содержащиеся в ней отдельные спорные положения.

Говоря об особенностях эргатива субъекта при транзитивных глаголах, исследователь указывает на неразличение данным падежом понятий определенности и неопределенности (с. 11). Однако известные показания адыгейского языка позволяют, как кажется, ставить вопрос в иной плоскости, ср.: *Пшьяшьэ* (эрг.) *ац фэдиз ышхынэп* "Девушка (неопред.) столько не съест" и *Пшьяшьэм* (эрг.) *ац фэдиз ышхынэп* "Девушка (опред.) столько не съест".

По нашему мнению, мысль автора об элементе -э в "собственных именах с конечным согласным" бжедугского диалекта как флексии эргатива допускает и другую трактовку. Конечный гласный -э собственных имен субъекта в функции эргатива (*Мэджьдэ ыIуагэ* "Меджид сказал") трудно принять за эргативное окончание, потому что такое же оформление получают те же имена и в функции номинатива: *Мэджьдэ кьэкIуагэ* "Меджид пришел". Кроме того, разбираемые имена имеют согласный исход только в их предикативной синтаксической позиции: *КьэкIуагээр Мэджьд* букв. "При-

шедший — (это) Меджид (есть)”. Собственные имена анализируемого типа в их синтаксических функциях предметных членов предложения, как сказано выше, снабжаются конечным гласным -э. Поэтому чередование -э/-∅ можно определить как средство выражения разных грамматических состояний (форм) имени — субъектно-объектного (*Мэджыдэ* “Меджид”) и предикативного (*Мэджыд* букв. “Меджид (есть)”).

Оспаривая существующее мнение о наличии генетической общности у окончания твор. падежа -*чIэ* (-*джэ*, -*гьэ*, -*Iьэ*) и союза *ычIи* (*ыджы*, *ыгьы*, *ыIьы*) “и”, М.А. Кумахов пишет, что «формы *зычIи*, *зыджы*, *зыгьы*, *зыIьы* “нисколько, никак” включают не союзный показатель *чI*, *дж*, *гь*, *Iь*, а союзный показатель *и*» (с. 26). Не только *чI*, *дж*, *гь*, *Iь*, но даже их архетипы *кIь* и др. без современного союзного показателя *и* имели (и поныне имеют в шапсугском диалекте) союзное значение: *НэмазыкIь ымышIэу*, *зыкIь ымышIэу шыс* букв. “И намаз не делаю, и ничего не делаю, сидит”.

В рецензируемой работе разграничиваются инфинитив (глагольное образование) и масдар (отглагольное образование). Признавая за этим положением право на существование, можно в то же время указать на общность их лексической базы, словообразовательного механизма (оформление с помощью суф. -н), словоизменительной системы (“именное словоизменение” в синтаксической позиции предметных членов предложения и “глагольное словоизменение” в предикативной функции), синтаксических особенностей (выступление в одних и тех же членах предложения) и т.д., что, на наш взгляд, исключает возможность говорить здесь о разных грамматических объектах.

Особенно осторожен М.А. Кумахов при рассмотрении вопроса относительной хронологии предложений с инфинитивными конструкциями, именуемых Н.Ф. Яковлевым и др. “сложноподчиненными предложениями с сокращенными придаточными”, и подчинительных сочетаний предложений (гесп. сложноподчиненных предложений “индоевропейского типа”).

Как показывает анализ материала, предложения с инфинитивными конструкциями наличествуют не только в адыгских языках,

но и в других западнокавказских языках — абазинском, абхазском и убыхском. Во всех этих языках инфинитивные конструкции образуются с помощью обстоятельственных форм типа: *дышцауа* “(так), как он идет” (абаз., абх.), *данцауа* “(тогда), когда он идет” (абаз., абх.), *дахьцауа* (абх.) // *дъацауа* (абаз.) “(туда), куда он идет”, *дъауа* “когда ты съешь” (убых.), *адъауа* “пока они умрут” (убых.), *кIуэмэ* (адыг., каб.) “когда он пойдет”, *уэчьыфэ* (адыг.) // *жэIьыхучIэ* (каб.) “пока он спит”, *кьэкIуагэмэ* (адыг.) // *кьэкIуами* (каб.) “хотя он пришел” и т.д.

Эти данные внешней (сравнительной) реконструкции позволяют постулировать предложения с инфинитивными конструкциями для западнокавказского ареала.

Синтаксические показания западнокавказских языков дают основания также отнести к древнейшим периодам развития этих языков подчинительные сочетания предложений (гесп. сложноподчиненные предложения “индоевропейского типа”): адыг. *Сэ сэкIуэ, сыда пIуэмэ ар кIуэшьтэп*, каб. *Сэ сокIуэ, сыту жыпIэмэ ар кIуэнкьым*, абх. *Сара цоит, избан акузар йара дцарым* букв. “Я иду, потому что он не пойдет”; адыг. *Сэ сэкIуэ, армырмэ мыр кIуэшьт*, каб. *Сэ сокIуэ, армышьумэ мыр кIуэшьт*, абх. *Сара цоит, мамзар ари дцан* букв. “Я иду, а то этот пойдет” и т.д.

Указанные в рецензии частные замечания, разумеется, не умаляют достоинств насыщенного материалом и идеями капитального труда, которым обогатилась западнокавказская компаративистика.

Суммируя сказанное, следует подчеркнуть, что рецензируемая книга — итог долголетней и кропотливой работы академика Российской академии естественных наук М.А. Кумахова, с именем которого связана прежде всего постановка вопроса о понятии западнокавказского языка, его структурных признаках и периодизации его развития. В монографии на высоком профессиональном уровне разработаны многие узловые вопросы сравнительно-исторического изучения грамматики адыгских языков, что несомненно будет стимулировать дальнейшие исследования в этой области.

Зехох У.С.